

PROESTATE®

Международный инвестиционный форум по недвижимости

9 - 11 СЕНТЯБРЯ 2013

Москва, ЦВК «Экспоцентр»

WWW.PROESTATE.RU

+7 (495) 280 07 31

+7 (812) 640 60 70

Ольга Писаренко

ВОЗВРАЩАЯСЬ К КЛАССИКЕ

Четыре года назад журнал обратился к ведущим петербургским архитекторам с вопросами, как они относятся к возможности использования языка классики в современном зодчестве и не пора ли усилить в вузах подготовку студентов, способных работать в этом направлении. Значительная часть наших респондентов, активно практикующих и преподающих, сочла это неуместным и даже опасным. И это в городе, основанном на классической традиции.

В этот раз мы беседуем с Александром Кицулой, архитектором, чья приверженность языку классики была открыто и внятно заявлена в реализованных им в разные годы проектах. Второй участник разговора — скульптор Владислав Маначинский. Он активно сотрудничает с зодчими, которые используют в своих произведениях синтез архитектуры и пластических искусств.

— Ваша последняя по времени работа, бизнес-центр «Сенатор» на Большом пр. ВО, вызвала неоднозначную реакцию и среди жителей, и у коллег. Кому все-таки принадлежала идея решить здание в духе классицизма и почему?

А. К.: Этот проект имеет длинную и непростую историю. Наше архитектурное бюро начало заниматься им еще в 2006-м году. Классицистический вариант фасадов был предложен заказчику одновременно с другими, условно говоря,

нарушивших первоначальный архитектурный замысел. Как правило, они возникали из-за желания заказчика сэкономить на всем, иногда в ущерб здравому смыслу.

Так, по проекту все здание предполагалось выполнить в облицовке из юрского известняка, надежной и долговечной. На практике же дворовые фасады были просто оштукатурены по утеплителю, что заметно снизило их эстетические достоинства, да и в будущем приведет к немалым эксплуатационным расходам. На парадных фасадах камень в облицовке отстоять удалось, но карнизы, капители и другие детали пришлось все-таки делать не из него, а из бетона. Впрочем, в этой ситуации нашлось удачное и эlegantное решение. По нашему предложению каждый фрагмент лепного декора изготовивался в одном из четырех оттенков базового цвета, при этом изделия разных оттенков устанавливались в произвольной последовательности.

В результате элементы фасада, выполненные из бетона, материала достаточно однородного, «заиграли» на солнце не хуже «живого» камня. Особенно хорошо это заметно при смене освещения, когда вслед за движением солнечного света по плоскости стены бесконечно разнообразно меняются оттенки облицовки, так что понять, где установлен бетон, а где — натуральный камень, практически невозможно. В общем, здесь произошел тот редкий случай, когда и в бюджете выиграли, и в архитектурном плане здание, не пострадало.

— Как можно возразить принципиальным противникам классицистических подходов, которые чаще всего апеллируют к противоречиям между традиционной формой и современным содержанием?

А. К.: Если под «современным содержанием» понимать конструкцию здания, а в нашем случае это железобетонный каркас, стоит напомнить: сама ордера система возникла в результате художественного осмысления именно стоечно-балочной (то есть каркасной) конструкции. Позже наступило осознание самостоятельной ценности возникшей художественной формы как квинтэссенции стремления к гармонии, к идеальной красоте. И ордер зажил собственной жизнью.

Классическая ордера архитектура прекрасно адаптируется к изменениям социальных условий и способов строительства. Это доказано всей ее историей — от Древней Греции до

Александр Кицула

модернистскими версиями. Поначалу он вызвал определенные опасения, связанные с уместностью такого подхода, да и с технической возможностью его реализации. Однако в контексте Большого проспекта именно классицистическое решение представлялось мне наиболее убедительным. Кроме того, оно обладало очевидной репрезентативностью, что, по-видимому, и определило окончательный выбор заказчика.

После удачного старта, когда проект был согласован во всех инстанциях и выпуск рабочей документации близился к завершению, грянул экономический кризис. Работы на объекте были заморожены на два с половиной года. После такого перерыва возобновление строительства далось очень тяжело, да и проектирование пришлось начинать практически заново. К сожалению, это сопровождалось рядом упрощений,

наших дней. Да, изменяются обстоятельства ее применения, возникают новые типы зданий, но все это не отменяет необходимости стремиться к созданию совершенных архитектурных форм. Опираясь на собственный опыт обращения к классической традиции, могу сказать, что выработанный ей язык универсален и ничуть не менее (а, возможно, и более) пригоден для обслуживания современных потребностей, чем любой другой.

— И в чем, по вашему, состоят его преимущества?

А. К.: В разработанности. Язык классической архитектуры формировался постепенно, в течение долгих лет, путем продолжительного отбора и совершенствования лучших приемов и одновременного отсева приемов неудачных. Работая с ним, вы всегда имеете в запасе целый арсенал средств для решения любых задач, или, лучше сказать: располагаете универсальным алгоритмом их решения. Появляется возможность сосредоточиться на главном — совершенстве пропорций, выразительности и красоте проектируемого здания. Это особенно актуально сейчас, когда архитектору в процессе работы приходится погружаться в такое количество проблем, не связанных напрямую с этой основной задачей, что она из-за нехватки времени часто решается по остаточному принципу.

С этой точки зрения грех не воспользоваться таким великолепным инструментом, тем более что работа с ним доставляет колоссальное удовольствие и никак не исключает авторского начала. Ведь примерам личностной трактовки классических ордерных форм «несть числа».

И, наконец, последнее по месту, но не по значению: понятия гармонии и красоты являются базовыми в классической архитектурной традиции. Модернизм же, напротив, стремится исключить их из своего словаря, подменить понятиями «актуальности», «соответствия духу времени», «непохожести» на то, что было ранее. Но принцип: «нет открытия — нет искусства» ложен в своей основе. В нашей профессии невозможно каждый день «говорить новое слово». Архитектура — это не умение превращать каждую постройку в откровение, а искусство создавать гармоничную среду.

Архитектурная традиция, которой я пытаюсь следовать, породила такой культурный феномен, как классический европейский город. Таковыми были и, несмотря на погром двух мировых войн и почти столетнее засилье модернизма, до сих пор остаются Рим, Флоренция, Париж, Петербург и множество других городов. Суть данного феномена состоит в создании упорядоченной и гармоничной жизненной среды, одновременно четко структурированной и бесконечно разнообразной. Ничего подобного «современная» архитектура создать не смогла. Здесь она потерпела полное фиаско. Вместе с тем в среде традиционного города отдельные модернистские постройки могут быть весьма выразительны и интересны, и таких примеров немало.

— Не бывает ли страшно пользоваться настолько «идеальным» языком?

А. К.: Нет. Хотя, конечно, нас учили проектировать в «современном» стиле. Помню, один студент нарисовал библиотеку с арочными окнами, и это воспринималось как невероятная смелость. Ситуацию изменил постмодернизм с его попытками создать сложную среду, дать отсылки к памяти места. Классический язык начали вспоминать, а его элементы, пусть и с неперменной иронией, стали воспроизводиться как цитаты. Что же касается «Сенатора», то с постмодернизмом он не имеет ничего общего. Это попытка серьезно делать классицистическую архитектуру в современных условиях.

— Тем не менее, ее иногда упрекают во «вторичности»...

— ...Еще чаще приходится слышать про «пародии на классику», «подделки» и т. п., основанно от тех, кто, не переставая, штампует пародии на конструктивизм или хайтек. Дело в том, что вся архитектура строится на повторениях: арка, стойка, балка, консоль. Все остальное — приспособление существующих приемов к конкретной ситуации. Повторение и совершенствование удачных решений — это основа развития архитектуры. Разве произве-

бенно от тех, кто, не переставая, штампует пародии на конструктивизм или хайтек. Дело в том, что вся архитектура строится на повторениях: арка, стойка, балка, консоль. Все остальное — приспособление существующих приемов к конкретной ситуации. Повторение и совершенствование удачных решений — это основа развития архитектуры. Разве произве-

Другие работы арх. А. Кицулы: часовня св. Троицы (2002–03 гг., СПб, Троицкая пл.); вариант проектного решения по жилому дому в г. Павловске (разработка 2004–05 гг.); административное здание (2000 г., СПб, Итальянская ул., 4); церковно-приходская школа в г. Пушкине (2001–02 гг.)

дения Фомина, Росси, Кваренги и других не последние мастеров не вторичны по отношению к творениям Палладио, а всех их вместе — по отношению к архитектуре античных Греции и Рима? Разве петербургский трезубец проспектов не вторичен по отношению к римскому, а колоннада Казанского собора — по отношению к колоннаде собора Святого Петра? Наконец, разве из-за этой вторичности архитектура Северной столицы менее совершенна?

Чтобы окончательно закрыть этот вопрос, приведу еще один пример. Парфенон — канонический образец красоты и гармонии форм — тоже является результатом бесконечного повторения (сейчас бы сказали «плагиата») и шлифовки одного и того же архитектурного и планировочного решения. Даже в применении знаменитых оптических поправок первенство ему не принадлежит. Парфенон ценен не какими-то принципиальными новшествами или открытиями, а тем, что все в нем доведено до высочайшей степени совершенства.

— Здание бизнес-центра «Сенатор» на Васильевском заведомо упрекали в «картонности», «штампованности», отсутствии ручного труда, столь характерного для зданий классицизма.

В. М.: Эти претензии кажутся мне некорректными. Весь декор фасада индивидуален, а модели и формы для его отливки делались вручную. Конечно, ценность почти всех вещей на свете

Владислав Маначинский

определяется количеством вложенного в них труда, тогда как рационализация различных процессов удешевляет объект и для заказчика, и для потребителя. В этом, опять же, нет ничего плохого — наши предки тоже стремились все делать максимально экономно и эффективно. Поэтому не вижу смысла особенно стесняться, когда о нашем здании говорят как о примере «классицизма для бедных». Да, стоит он ровно столько, сколько мы можем себе позволить, но это именно классицизм.

Что касается механизации процессов, то она, поверьте, никак не влияет на достоинства великолепного и универсального языка классической архитектуры, о которых только что говорилось. Такое же замечание будет справедливым и в отношении замены одних материалов другими. По большому счету, история изобразительных искусств изобилует такими примерами. Если брать архитектуру, то стоит вспомнить живопись, которая имитирует лепку, или роспись под камень. А что такое золоченый декор, как не имитация чистого золота? Весь вопрос только в мастерстве исполнения: грубая подделка вызывает чувства обмана и разочарования, а искусная имитация, как правило, приятно удивляет, в исключительных случаях — восхищает.